

иметь относительно высокий уровень защиты, осуществляемый на основе комплексного подхода к решению социально-экономических проблем.

Взаимоотношения внутреннего рынка с мировым необходимо строить с учетом двух факторов: 1) мировой рынок — это рынок товаров, производимых в лучших условиях или имеющих высокий уровень экспортной поддержки. Мировые цены всегда будут ниже себестоимости производства в странах с худшими условиями; 2) условия сельскохозяйственного производства в республике отличаются повышенной степенью риска, а продукция — высоким уровнем затрат. Учитывая, что в перспективе повышение окупаемости ресурсов на 2–3 % в год является высоким показателем, следует констатировать, что сельское хозяйство особенно нуждается в инновациях.

Инновационное развитие АПК в период до 2010 г. обеспечит рост производства продукции почти в полтора раза, что потребует активизации усилий по продвижению ее на внешний рынок. Возрастает актуальность поиска новых торговых партнеров, развития форм продвижения товаров к потребителю через выставки, ярмарки, электронную торговлю, популяризацию отечественных торговых марок. Товары АПК, особенно продовольствие, всегда пользовались спросом на рынке, но проводить торговую политику только на имидже прошлых лет неправомерно.

Литература

1. Государственная Программа возрождения и развития села на 2005–2010 годы. — Минск : Беларусь, 2005. — 95 с.
2. Ильина, З.М. Научные основы продовольственной безопасности / З.М. Ильина. — Минск : ООО «Мисанта», 2001. — 228 с.
3. Русинович, А. Совершенствование системы обеспечения безопасности продукции животного происхождения в Беларуси / А. Русинович, П. Расторгуев // *Агроэкономика*. — 2007. — № 2.

ЭКСПОЛЯРНЫЕ ЭКОНОМИКИ И ПОЛИТЭКОНОМИЯ ОБОЧИН. ФОРМЫ ХОЗЯЙСТВА ВНЕ СИСТЕМ

Теодор Шанин, проф.

Манчестерский университет (Великобритания)

1. Полюса, маятник и формы хозяйства «на обочине» экономических моделей

Экономические модели всех политэкономических теорий предполагают существование обочин. Одно дело — строго последовательные системные схемы, другое — социальная реальность и ее отклонение от чистоты моделей. Логика работы с моделью допускает, что эти отклонения несущественны. Когда же массив «отклонений» достигает такого уровня, что наблюдающие их не желают больше мириться с таким упрощением, отклонения, представляющиеся в виде картины, но классифицируются как «маргинальные» и оказываются обычно в стороне от центра аналитического поля, на обочине. В этом сходны между собой две фундаментальные переплетающиеся традиции социальной науки, идущие из XIX столетия. В обеих традициях «на обочине» оказываются те формы хозяйства, которые отличаются от структуры доминирующей системы, ее общей динамики и логики. В видении эволюционизма (или когда он принимается как нечто само собой разумеющееся) маргинальные формы трактуются просто как «пережитки прошлого», или как исторический тупик, т. е. они не имеют ни собственной динамики, ни перспективы. Своим выживанием они обязаны социальной инерции и/или той временной пользе, которую извлекают из них господствующие власть и экономика, их динамика и разные формы. Это также значит, что, в конце концов, «формы на краю» отживают или уничтожаются.

Эмпирические корни этой всеобъемлющей эпистемологии современных обществ и экономик представляются достаточно ясными. Они лежат в романтизированной истории индустриализации, в представлениях о беспредельности потребностей и их также бесконечном удовлетворении с помощью неограниченно увеличивающихся в результате прогресса богатств цивилизации, когда благ становится все больше и больше, технологии — все крупнее и крупнее, а жизнь людей все лучше и лучше. Связываются воедино рост и мощь науки,

человеческое благополучие, всеобщее образование и индивидуальная свобода. Непрерывный рост во всех сферах предполагает также наличие быстрой унификации, универсализации и стандартизации всех изменений, происходящих в окружающем мире. Все общества, как считается, движутся от многообразия разного рода несообразностей и неразумения к истинному, логическому и единообразному, отодвигая «на обочину» все то, что не вписывается в общий поток.

Это фундаментальное мировоззрение наложилось на расколотый послевоенный мир с его военными блоками, экономическими системами, идеологическими стандартами и тотальной пропагандой. Категория «маргинальных форм» и их трактовка как «вымирающих» вписалась в программы, связанные со сверхдержавами и двумя главными идеологиями и историографиями. Обе точки зрения или программы в одинаковой степени помечены характерными родимыми пятнами эволюционизма прошлого века и разделяют его оптимистический постулат о том, что неизбежность, рациональность, всеобщее благо и принятая данным лагерем программа действий — суть одно и то же. Эти парадигмы, взаимно усиливая друг друга, обрели логическую форму «либо-либо»: либо социалистическое «государственное планирование», либо либерально-капиталистический «свободный рынок»; либо «Восток», либо «Запад». С одной стороны, это плановая экономика, разумно руководимая государством по сценарию, согласно которому она поглотит и преобразует по своему образу и подобию любые социальные отклонения и несообразности. Соответствующим образом усиленная, она должна вытеснить или поглотить свою глобальную альтернативу, а именно рыночную экономику капитализма, и восторжествовать в качестве нового, однородного мира всеобщего богатства и свободы. С другой стороны, это образ и реалии рыночной экономики, которая побеждает в мировом соревновании всех и вся, а собственно монстров государственной экономики с последующим единением и процветанием всего мира в своеобразный Техас.

В реальной политике разнородных обществ действует шкала между двумя взаимоисключающими моделями и крайностями: чистым капитализмом и чистым госсосоциализмом. Существовавшие общества располагаются вдоль этой шкалы, по которой перемещается маятник истории. В условиях кризиса определенной государственной политики ее лечат реформами: государственно-плановую экономику — впрыскивая дозу капиталистического рынка, или наоборот, «выравнивая» капитализм, увеличивая вмешательства государства.

То, что сама логическая схема, лежащая в основе этих взглядов, а именно абсолютный характер этой картины шкалы и маятника между двумя взаимоисключающими социально-экономическими типами, нереалистичен, мало кем замечается. В споре «кто-кого» не принимается во внимание и факт параллельного структурного кризиса 70–80-х годов обеих сверхсистем. Неспособность вернуться к темпам 50–60-х годов, искоренить нищету, преодолеть мировые и местные резкие различия в уровне развития, заставить систему «срабатывать», т. е. выполнить свои же ранее данные обещания, все это так и в России, и в США. Если же мы возьмем так называемые «развивающиеся страны», то там все это проявляется еще более выпукло. Продолжая говорить не о моделях, а о фактах, наше время — это период отказа от предположения о возможности быстрого, всеобщего и постоянно растущего благосостояния, как и сокращения амбициозных планов. Очевидно также, что «маргинальные формы» не сокращаются, фактически масштабы экономической деятельности, осуществляемой вне доминирующих систем и политэкономической логики полюсов, шкалы и маятника возрастают.

На сегодня данных опровергающих имеющиеся аксиомы и аппарат анализа экономического мышления, накопилось столько, что необходимо, видимо, пересмотр парадигмы объяснения в целом. Чтобы сделать это следует в первую очередь рассмотреть существующие хозяйственные формы, находящиеся вне «систем», т. е. вне общепринятой теории, и произвести их переоценку. Однако прежде чем заняться этим, дадим им наименование. По причинам, которые будут изложены ниже, мы назовем этот общественный синдром, не укладывающийся в схему полюсов, шкалы и маятника, «эксплоярной экономикой» (explorag economics).

2. Реестр аналитических диссонансов

Проблему, поставленную нами, можно определить как серию диссонансов с принятым аналитическим мышлением разных доминирующих школ.

1. Эволюционная модель, принятая большинством социальных наук и вновь подкрепленная в 50–60-х годах теориями модернизации, утрачивает сегодня свою привлекательность. Невозможно провозглашать долее бесконечный экономический рост и неограниченные ресурсы, равно, как и само собой определенную всевозрастающую разумность человека и его свободу. Однолинейные схемы истории, и заложенный в них оптимизм, нереалистичны.

Мир меняется, усилились связи подразделений и типов хозяйств, но социальные и экономические формы переходят не от разнородности к однородности, а скорее от одной внутренне противоречивой сложности и разнородности к другой. При этом то, что происходит часто, оказывалось совершенно неожиданно.

2. Конфликт двух центральных политико-экономических моделей вряд ли можно считать способным закончиться абсолютной победой какой-либо из них. Поборники свободного рынка и планового хозяйства, занимавшиеся поисками соринки в глазах друг у друга, каждый по-своему, прав: ни одна из систем «не срывается», причем по своим собственным стандартам. Точно так же ни одна из первоначальных теорий не дала рецепта неограниченного и быстрого «экономического роста», излечивающего все общественные недуги. Больше того, ни оба полюса, ни смесь их характеристик не исчерпывают собой социально реальные и потенциальные возможности. Происходящий параллельно кризис систем и сверхпроектов, как и растущее неверие в переходящий характер этого кризиса требуют тщательного рассмотрения альтернативных экономических форм.

3. В этом контексте следует также отказать в статусе самоочевидной истины тому, что я назову «принципом пальца Мидаса». К чему бы ни прикасался этот скупейший царь греческих легенд, все превращалось в золото, и наказанный таким образом богами он умер с голоду. Подобно этому для некоторых аналитиков господствующая политэкономическая система преобразует необходимо и абсолютно по своему подобию любые экономические формы, к которым они «прикоснулись». На деле «эксплолярная экономика», находящаяся «на обочине» системы, не только не исчезает в условиях капитализма или госсотциализма, но демонстрирует высокую степень жизнеспособности и выживаемости. К тому же их деятельность не есть только отражение «потребностей» или диктата формы доминирующей экономики. «Доминирующие» экономики так и не смогли никогда полностью колонизировать свои приграничные территории. Анализ эксплолярных форм доказывает, что они обладают мерой автономии, собственной логикой, динамикой и собственной способностью манипулировать окружением (реагируя, конечно, в то же время на широкий контекст их действия). Они способны также к социальному воспроизводству. Действительные структуры и формы, скрытые за такими антипонятиями, как «вторая экономика», «мелкая буржуазия», или «неформальная экономика», должны быть признаны, осознаны и рассмотрены.

4. Все больше данных свидетельствуют о том, что более сложные и противоречивые, даже парадоксальные по своему составу социетальные системы политэкономии («нечистые» с точки зрения логических моделей) оказываются более эффективными в обеспечении благосостояния населения, функционирования народного хозяйства и его «роста»; другими словами, — по общепринятым стандартам удачи.

Все это походит на то, что «эксплолярная экономика» действует как примесь, как смазка или катализатор эффективного функционирования существующих социоэкономических систем. Мера ее не абсорбции в доминирующие формы, степень «нечистоты» системных моделей, смешивания «государственного плана» или «свободного рынка» с хозяйственными формами, иными по характеристике, улучшает место, которое занимают схожие страны со сравнимым уровнем развития. В наше время хозяйство Венгрии эффективнее, чем хозяйство России, Японии «динамичнее», чем США, Италия в последние два десятилетия развивалась экономически и по уровню благосостояния быстрее, чем Великобритания. Разумеется, все это относительно, и ценность таких широких сравнений не следует преувеличивать.

Чтобы достигнуть полной ясности в существе нашей темы, демистификацию параллельных экономических форм следует провести в несколько шагов. Первое, что необходимо напоминать, — это неточность, заложенную в моделях как таковых, и для «свободного рынка», и для «плановой экономики». Реальность всегда богаче. Модели — карикатуры на реальность в полном смысле слова «карикатура», т. е. преувеличение существенных характе-

ристик. Ни одна рыночная экономика не свободна от государственного вмешательства, не было и такой плановой экономики, которая была бы структурирована согласно плану.

Важнее и противоречивее то, что существующие экономики не представляют собой просто смеси двух полярных принципов, т. е. это не есть просто что-то промежуточное между государственно-плановой и свободной рыночной экономикой (и поэтому также «слишком большую» долю планирования нельзя просто вылечить благоразумной инъекцией рынка, и наоборот). Само предположение, что шкала, связывающая эти полюса, способна выразить все экономические формы мира ошибочно, ибо догматическое отодвигает на задний план формы, не уместяющиеся в «либо-либо» аналитического и идеологического откровения. Не спасти эту аналитическую шкалу и тем, что сначала допускают элементы «чего-то еще», а затем навешивают на них ярлыки «пережитков прошлого» (почему же они выжили?) или объясняют их как просто отражение «нужд» суперсистемы. Следует выделить и изучить хозяйственные формы, находящиеся на «заднем плане», их способность к выживанию, внутреннюю логику и совокупный вклад.

Сказанное объясняет, почему мы предпочли определение «эксполярной» другим понятиям, выражающим явления, описанные нами, таким как «неформальные». Главное здесь — это то, что эти формы социальной экономики расположены вне полюсов и вне аналитической шкалы доминирующей понятийной системы современной политической экономики, на которой имеется *либо* «план», *либо* «рынок», либо их смесь — фактически она бросает вызов этой шкале. «Экс» есть «вне», а «эксполярность» потому, что, во-первых, этот феномен расположен аналитически вне системы «двух полюсов и маятника». Во-вторых, в употреблении старогреческого языка, полис означало как город — государство, так и городской рынок, а мы говорим об «обочинах» в обоих смыслах.

Последнее замечание: расцвет эксполярных экономик не является, по всей видимости, следствием современного экономического кризиса. Кризисы доминирующих систем совпали с расширением «маргинальных» экономик, но то, что называют кризисом 70–80-х годов — не какой-то временный спад, это, по-видимому, состояние современного человеческого сосуществования. Социально-экономическая история конца тысячелетия может вполне оказаться историей перманентного кризиса. В этом общем контексте и следует рассматривать социальные и экономические системы и формы нашего времени.

3. виды эксполярной экономики

Наше первоначальное определение «маргинальных форм» и «эксполярной экономики» было относительным и негативным, мы говорили в основном о том, чем они не являются. Спецификация характеристик и категорий должна стать следующим шагом нашего анализа. Перечень существующих экономических форм, попадающих под категорию эксполярности должен, по-видимому, включать:

- А. Семейное производство**, когда отсутствие (или ограниченное использование) наемного труда, внутрисемейное потребление, бесконтактная и долговременная взаимная поддержка, а также то, что их проявления принимаются как самопонятное, имеют своим результатом иную операционную логику, чем та, которая присуща системам и теоретическим моделям «свободного рынка» или «государственного планирования», как академической макро- и микроэкономике.
- Б. Специализированное малое предпринимательство**, самостоятельное существование которого лицом к лицу с бюрократически-индустриальными комплексами основано на индивидуализированной монополии определенного умения как в случае независимого художника, конструктора, предпринимателя. Большая гибкость в реагировании на спрос, личных контактах или привилегированном доступе спекулянта или перекупщика к определенным мощностям или ресурсам может создать схожую картину. Особая жизнеспособность такой мелкой производственной единицы может опираться на *disconomy of scale*.
- В. Внутрисемейное воспроизводство труда**, т. е. форма использования труда, для которой общим с категорией А является семейная организация, его ненадежные характеристики, отсутствие простых форм перехода в рыночные альтернативы и «неформальность». Вместе с тем результаты труда направлены на потребление, благополучие и социальное воспроизводство семьи, а не на производство товаров или услуг предназначенных для рынка. С точки зрения историка эти социальные формы представляют собой семейное производство, лишенное вследствие «модернизации» своих главных производственных и многих потребительских функций и сконцентрировавшееся в домашних хозяйствах, в ко-

торых нет слуг, и все в большей степени усложняется задача социализации детей и удовлетворения новых индивидуальных потребностей. Например, в средних классах городов Западной Европы транспортировка детей матерью из балетной школы в гимназию и далее домой, так же, как и занятие хозяйством, и прием гостей мужа — это вид деятельности, который часто занимает столько же времени и столько же общественно необходим, как платный рабочий день, и которому нет эффективных альтернатив ни в государственной, ни в капиталистической системе.

Г. По определению современных венгерских социологов *«вторая» экономика*, т. е. второе занятие после рабочего дня или работа по дополнительному контракту (в Венгрии — это значит вне государственных или кооперативных предприятий и организаций). С точки зрения тех, кто в нее вовлечен, *«вторая» экономика* — существенный источник балансирования дохода. Венгерские социологи выделили особенности правил игры и социальной организации этого феномена по сравнению с *«первой»* (т. е. широкомасштабной и официальной) экономикой страны.

Д. *Теневая, или «черная», экономика* (названная венграми *«третьей»*), а именно производство и услуги вне легально разрешенных форм — деятельность, раскрытие которой ведет к уголовной ответственности. В рамках *«плановой экономики»* — это чаще всего использование ресурсов, находящихся в монопольном владении государства (возможно частично перетекающих во *«вторую»* экономику). При наличии свободного рынка эти формы выражаются в уклонении от налогов, контрабанде или организованной преступности.

Наш обзор показывает разнообразие эксплоярных экономик, а также их относительность, т. е. существование мощной системы и логики *«центра»* или *«главного течения»*, с которым эксплоярные формы смыкаются и которое на них влияет, хотя они структурно отличаются. Вместе с тем никто не станет утверждать, что, например, роль сапожника или фермера в современном Пенджабе идентична роли этих занятий в сегодняшней Венгрии или Италии, или в доколониальной Индии. Они отличаются потому, что вписываются в разные окружающие условия и разные экономические системы. Для всех них сосуществование с доминирующей социальной системой политической экономии или способом производства играет важнейшую роль. Но в понятии *«эксплоярная экономика»* заключено также предположение об их существенных особенностях, разной или противостоящей операциональной логике и их выживаемости, если мы сравним ее с логикой бюрократических структур в сердцеvine как современного *«свободного рынка»*, так и *«государственного планирования»*. Эти *«маргинальные формы»*, конечно, используются доминирующей системой и крупным хозяйством, для того, чтобы извлечь из них пользу, а также для своего выживания. Вытекающий отсюда образ *хозяйства*, в котором действуют и государственные, и рыночные, и эксплоярные экономические формы, сложен и противоречив, однако более реалистичен.

Следующим шагом должно стать определение общих характеристик эксплоярных экономик, которые могли бы оправдать само понятие. Выделяется здесь особенно неформальный и персонализированный характер отношений, выражающихся в производстве, услугах, обмене, финансировании и учете. Отметим также особые и обычно внелегальные (что не обязательно означает — нелегальные) методы гарантирования выполнения соглашений и платежей. Все это верно также для трудовых отношений, для отношений между работодателем и работниками. Рассматриваемые формы социальной экономики показывают высокую степень приспособляемости в использовании труда, особенно в наиболее эффективном использовании сменного неплатного труда. Эксплоярные типы экономической деятельности *«укоренены»* (*«embedded»*), или *«растворены»*, в широком контексте общественного взаимодействия, но редко узкоориентированы просто на прибыль или на достижение целей, предназначенных правительством (и в этом смысле они *«нерациональны»* по логике разных им систем). Они более *«социальны»*, т. е. определены нормами первичных соотношений и сообществ.

Следует добавить здесь специфические типы конструкции бюджета, сопровождающие более социализированную экономику: важность общего семейного кошелька, внутри- и межсемейной неформальной кооперации и взаимопомощи, самообеспечения и таких соотношений, как патронаж, постоянство покупателей (*clientage*), и кровное родство. Участники стараются, конечно, и здесь оптимизировать результат своих усилий, но они делают это, опираясь в большей степени на представления о выживании, благосостоянии, социальном воспроизводстве и *«бытии»*, а не исходят из беспредельного накопления. Эти отношения не

следует романтизировать, ибо персонализация взаимозависимость может предполагать и высокую степень эксплуатации. Но дело в том, что, так или иначе, стратегия выживания отличается по форме и результатам от бюрократических процедур, как и деперсонализированного беспредельного соревнования моделей открытого рынка.

Тенденция отмеченных характеристик вступать в связи и структурные причины этого объясняют, почему мы можем и должны говорить здесь о типе или категории социальных отношений и социальной экономики, а не об эклектичном наборе поведенческих норм, умений или взаимодействия. К тому же особенности эксплоярной экономики представлены не просто их способом функционирования, но и формами их социального воспроизводства и структурной трансформацией. По-видимому, мы говорим здесь об особой, последовательной и самовоспроизводящейся системе социальных институтов и ее особой, последовательной логике (антилогике, с точки зрения доминирующей системы).

4. Направления дальнейшей исследовательской работы

Термин «эксплоярный» использовался нами для того, чтобы очертить территорию, которая не в полной мере поддается рассмотрению в рамках доминирующих аналитических систем, являясь важной для реалистического познания современных экономических и социальных форм. Можно говорить о них так же, как и о «формах нерастворения» в доминирующей экономике, помня, однако, об относительной и всегда частичной природе таких «нерастворений». Определить характеристики эксплоярной экономики и проверить значимость — это значит выделить, сравнить и проанализировать аналитически и эмпирически альтернативные способы деятельности, отличающиеся от доминирующих систем экономики государственного планирования, как и капиталистического рынка, и промышленно-бюрократических комплексов в их сердцевинах.

Важнейшими операциональными темами будущего анализа видятся нам на этом этапе:

- 1) вопросы стратегии балансов семейного бюджета и использование труда;
- 2) способы решения вопросов информации и ее достоверности в экономических планах малых предприятий;
- 3) вопросы взаимосвязи технологии, ресурсов и умений;
- 4) вопросы балансирования тяжести труда и скуки монотонности в противовес экзистенциальным, социальным и экономическим жизненным потребностям как факторам определения целей семейных экономик.

ПЕРСПЕКТИВНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ НА ПРЕДПРИЯТИИ — ОСНОВА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

**А.А. Андриевич,
Л.И. Коледа**

Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь (г. Минск)

Современная экономическая ситуация диктует предприятиям новый подход к внутрихозяйственному планированию. Они вынуждены искать такие формы и модели планирования, которые обеспечивали бы максимальную эффективность принимаемых решений.

Оптимальным вариантом достижения таких решений является новая прогрессивная форма плана, которой является перспективный бизнес-план развития. Отличие бизнес-плана от ранее применявшегося планирования производства в том, что он не только организует всю внутреннюю сторону процесса производства на предприятии, но и стремится увязать ее с рыночными требованиями.

Бизнес-планирование — упорядоченная совокупность стадий и действий, связанных с ситуационным анализом окружающей среды, постановкой целей бизнес-планирования, разработкой бизнес-плана, его продвижением на рынок интеллектуальной собственности, а также реализацией бизнес-плана, его продвижением и контролем выполнения.

Бизнес-планы являются для наших производителей новым видом внутрихозяйственного или внутрифирменного планирования. Бизнес-планы разрабатываются на различные инновационные объекты или процессы, связанные с проектированием или созданием новых фирм и их подразделений, разработкой и поставкой на рынок требуемых товаров и услуг,